

А Чи Мэй действительно дарил ему чувство умиротворения и тепла, словно тихо распутившийся лампадник в форме лотоса. Его сила казалась даже мощнее, чем та, что исходила от Амулета.

По логике вещей, он должен был осыпать этого мужчину-супруга лаской и вниманием, подбирать для него самые нежные слова.

Но стоило лишь взглянуть на Чи Мэй, как в нём просыпалось непреодолимое желание унижить его, словно в глубине его тела обитала чужая душа, жаждущая увидеть, как тот заливается краской стыда от пережитого унижения, а в голове всплывали лишь грязные поступки, которые тот совершал в прошлом.

— Не тревожься, муж мой, я непременно пойду впереди всех, и ни малейшая беда не коснется тебя.

Чи Мэй: Разве он не прекрасен и не податлив даже в женском платье?

Сегодня я слишком устал, продолжение будет завтра!

Амулет

До экзаменов оставалось меньше недели, и в этот вечер Тао Шаньцзэ, повторяя учебники, конечно же, не пожелал, чтобы Байхэ сидела рядом и растирала для него тушь, а велел ей отдыхать на небольшой тахте в стороне, в то время как Чи Мэй устроился прямо возле него.

Правый рукав Чи Мэй был закатан до локтя и подвязан тесьмой, обнажая рельефные мускулы на руке. Он держал кисть изящно изогнутыми тонкими пальцами, чуть оттопырив мизинец, обмакнул ее в тушь, истолченную в тушечнице, и протянул Тао Шаньцзэ:

— Прошу, муж мой.

Тао Шаньцзэ подумал, что его крепкие мускулы в сочетании с жеманно сложенными пальцами выглядят странно, но в то же время по-своему мило. Однако с наступлением темноты на душе у него постепенно воцарилось беспокойство, словно ему уже доводилось переживать нечто подобное прежде. Наверное, люди просто от природы благоговейно страшатся ночной тьмы.

Тусклый свет свечи заливал экзаменационные листы желтоватым сиянием. Он не удержался и бросил взгляд на Чи Мэй, заметив, что тот все еще сосредоточенно растирает тушь.

— Разве ты не боишься призраков и божеств?

Чи Мэй посмотрел на черную-пречерную жидкость и подлил еще пару капель воды, превратив ее в крошечное озеро, в котором отчетливо отражался его собственный силуэт.

— Неужели молодой господин совершил нечто дурное, раз его так страшат духи?

Тао Шаньцзэ заранее знал, что от этого человека доброго слова не дождешься, и закатил глаза:

— Я никогда в жизни их не видел. Все эти монстры и призраки существуют лишь в книгах для чтения, люди просто сами себя пугают.

Чи Мэй кивнул, но ничего не ответил, а затем бросил многозначительный взгляд на Байхэ, сидевшую к ним спиной.

Небо темнело, на подсвечнике выросла толстая корка оплывшего воска. Ночевка втроем в одной комнате стала проблемой, а Тао Шаньцзэ все продолжал повторять материалы, чувствуя, что этого все еще недостаточно.

Байхэ сейчас спала в их комнате, ровно и спокойно дыша, но оставаться здесь на ночь выглядело несколько двусмысленно. Она еще не вошла в дом в качестве официальной жены, а Тао Шаньцзэ, постигавший путь благородного мужа, разумеется, дорожил ею и не хотел относиться легкомысленно. По идее, делить спальню можно было только после открытой и торжественной свадьбы, и единственным человеком, с которым он мог спать под одной крышей прямо сейчас, оставался Чи Мэй.

— Чи Мэй, пусть слуга спит с нами, — подумав немного, произнес Тао Шаньцзэ. Раз уж прошлой ночью было непонятно, стучал ли в дверь слуга, лучше держать потенциальную опасность поближе к себе, чтобы вовремя принять решение.

— Молодой господин, вы уверены, что хотите оставить Байхэ одну? — вовремя подал голос Чи Мэй, хотя в душе его ликовал: он уже напился этого зеленого чая и больше знать не хотел его вкуса.

— Конечно, мне не по себе от мысли, что молодая девушка останется одна, но иначе нельзя. Она будет спать за стеной, если что-то случится, стоит лишь постучать в стену и позвать, я все услышу, — ответил Тао Шаньцзэ.

Звукоизоляция в постоялом дворе была скверной, но прошлой ночью из-за стены не донеслось ни звука. Было бы неразумно полагать, что слуга солгал.

— Наложница, разумеется, во всем послушна молодому господину, только вот не знаю, что принесет нам эта ночь? — Байхэ подняла руки в приветственном жесте, ее пряди растрепались, воротник слегка распахнулся. Только что проснувшись, она говорила чуть охрипшим голосом, а природная истома придавала ей особую мягкость.

— Не знаю, возьми это у меня, — произнес Чи Мэй и выта из-за пазухи лунно-белый подвесной амулет.

Этот нефритовый кулон был белым, полупрозрачным, узким и длинным — размером с палец, в форме кисти для письма, с крошечным отверстием, в которое была пропущена красная нить.

— Это перешло ко мне от предков, теперь это твое.

Зрачки Чи Мэй сузились, странная боль разлилась по его костям, казалось, пронзив жилы прямо до самого сердца и непрерывно терзая самые уязвимые уголки груди. То, что веками дремало и было настолько тихим, что он почти забыл о собственном существовании, вдруг ожило. Он выхватил кулон и сжал его в кулаке с такой силой, что Тао Шаньцзэ, до этого державший украшение, качнулся от неожиданности.

Тао Шаньцзэ только хотел отчитать его, как заметил, что глаза Чи Мэй покраснели, словно раскаленная лава перед извержением, после чего услышал, как тот чеканит каждое слово:

— Тао Шаньцзэ, с какой стати ты отдаешь семейную реликвию посторонней?

— Это моя вещь, кому хочу, тому и отдаю, — Тао Шаньцзэ явно не хватало уверенности, он чувствовал себя виноватым, но в глубине души какой-то голос твердил ему, что отдавать эту вещь Чи Мэй нельзя, что даже простое прикосновение к ней — под запретом.

Однако тело Чи Мэй напряглось до предела, зубы скрипели, а рука, сжимавшая кулон, мелко дрожала.

— Тао Шаньцзэ, я лелею тебя, уважаю и во всем потакаю тебе лишь потому, что люблю тебя и дорожу тобой! Но теперь ты готов отдать самое драгоценное постороннему человеку, а я — твоя законная жена — не значу для тебя ровным счетом ничего!

Чи Мэй сглотнул, его кадык судорожно дернулся.

— Раз так, нам больше не о чем говорить.

Он с силой швырнул кулон в Тао Шаньцзэ. Тот упал на пол и, пару раз перевернувшись, замер.

— Отдавай кому хочешь!

Тао Шаньцзэ запаниковал: Чи Мэй на этот раз разозлился по-настоящему. Раньше он прощал ему любые слова, но всему есть предел — похоже, этот кулон и впрямь задел его за живое.

— Братец Чи Мэй, не сердись, мне не нужно это, не нужно! — поспешно заговорила Байхэ.

Чи Мэй холодно бросил на нее взгляд:

— Сама знаешь, кто ты такая.

— Чи Мэй...

Видя, что Чи Мэй уже собирается распахнуть дверь и уйти, перепуганный Тао Шаньцзэ поднял кулон и был вынужден переступить через гордость. На дворе стояла непроглядная тьма, он не мог позволить Чи Мэй уйти в одиночку, но произнести слова извинения все еще не решался.

Наконец Тао Шаньцзэ выкрикнул:

— Я согласен на всё!

Чи Мэй остановился, но не повернулся. Голос его звучал бесстрастно:

— На что?

Тао Шаньцзэ подошел ближе, легонько потянул его за рукав, качнул им и, прижавшись к нему, прошептал так, чтобы слышал только он:

— Тот самый предмет, которым я вчера не разрешал тебе пользоваться... можешь взять.

Щеки Тао Шаньцзэ вспыхнули, он опустил голову.

— И еще... кулон твой. И я сам — тоже твой.

С этими словами он сунул кулон ему в ладонь. Прохладный на ощупь нефрит легко заскользил по коже ладони Чи Мэй.

Чи Мэй довольно засопел. Судя по его воспоминаниям, это был единственный раз, когда муж пошел на попятную, но напускную холодность он сбрасывать не спешил — раз уж выдался редкий случай по-настоящему обидеться, нужно было выжать из этого максимум. Он кашлянул, и голос его резко взлетел, явно для того, чтобы Байхэ услышала:

— Муж мой, а я?

— Ты мой мужчина, моя навеки жена, — струсив, честно выпалил Тао Шаньцзэ.

Хотя звучало это несколько странно, Чи Мэй остался вполне доволен. Он уже настолько привык к роли жены Тао Шаньцзэ, что ему даже захотелось остаться в этом мире навсегда и не будить настоящего Тао Шаньцзэ.

Однако эта мысль была крайне опасна. Если гость не сможет выбраться из Мира Ляочжая, его поглотит ответная кара этого места; если же он, божественный зверь, застрянет здесь, то вполне возможно, что Тао Шаньцзэ вместе с ним скатится в пучину бездны, где их растерзают мириады мертвецов.

Чи Мэй повесил кулон на шею. Ощущение прохладного нефрита на груди было донельзя реальным, словно украшение всегда было частью его собственного тела.

Теперь инициатива целиком перешла к Чи Мэй. Он бросил суровый взгляд поверх плеча Тао Шаньцзэ на Байхэ.

Будучи тысячелетним демоном-призраком, Байхэ, естественно, всё поняла. Сейчас, когда супруги воссоединились в согласии, ее присутствие выглядело лишним, да и момент для удачного реванша был явно неподходящим.

— Раз так, молодой господин, я позову слугу, а сама пойду отдохну.

Тао Шаньцзэ бросил короткое «хорошо», но пальцев из рукава Чи Мэй так и не выпустил. От Чи Мэй пахло совсем не так, как от остальных — слабым ароматом диких трав. И это исходило не от духов или благовоний, а было его естественным запахом тела. В постели этот шлейф становился гуще, раскрываясь внезапно, словно застенчивый бутон цветка.

Если честно, ему этого уже хотелось.

Но сегодня ночью должен был прийти слуга, да и сам он не был столь развращен, поэтому оставалось лишь подавить внезапный порыв.

— Ты спи на тахте, — приказал Тао Шаньцзэ слуге.

Слуга сгорбился, пробормотал согласие и ловко взобрался на тахту.

Судя по времени, им с Чи Мэй тоже следовало ложиться. Закончив умываться и погасив свечи, Чи Мэй завел руку за спину, перехватил его запястье, толкнул в плечо и накинул на них обоих одеяло с головой.

Тао Шаньцзэ решил, что тот снова за свое, и в нем закипела было злость, однако открыто бунтовать он не смел, поэтому прошипел сквозь зубы:

— Ты что, животное? Слуга в комнате, а у тебя приступы похоти в любое время и в любом месте?

— Тсс... — Чи Мэй приложил палец к губам, понизив голос.

В тесном коконе одеяла остались только они двое, и вскоре их учащенное дыхание смешалось в темноте.

А снаружи посмерлся стук в дверь:

— Молодой господин, отворите же, впустите меня!

Голос принадлежал слуге.

Следом за ним раздались те же звуки, что и прошлой ночью: треск, грохот, человеческие крики.

Дыхание Тао Шаньцзэ перехватило. В комнате слуга спал крепким сном, так кто же там, за дверью?

Или же тот, кто вошел тогда, с самого начала был вовсе не слугой?

Чи Мэй: Как же я жду наступления ночи!

Квартал Красоток Инь-Ян

Тао Шаньцзэ и Чи Мэй забились под одеяло, напряженные до предела, словно тетива натянутого лука, в комнате стало невыносимо жарко.

Когда прошлой ночью они слышали стук, он был насмерть перепуган Чи Мэй, а затем последовало кружение в океане страсти — в тот момент он никак не мог разобрать, чего в нем было больше: страха или наслаждения. Лишь увидев на утро, что все осталось прежним, он немного успокоился.

Но теперь эта ситуация повторилась вновь. Вынести подобное Тао Шаньцзэ был не в силах. Голос слуги звучал до жути правдоподобно: он мог как заманивать их в еще более глубокую бездну, так и служить ключом к разгадке тайны.

Чи Мэй прижался к нему вплотную, их дыхания сплелись воедино, но оба хранили молчание по

молчаливому согласию.

Однако следом раздался яростный удар в стену и женский жалобный крик. Этот голос они оба узнали — это была Байхэ!

— Молодой господин, спасите! Не надо!

Крик звучал странно: в нем слышался и смертельный испуг, и какое-то извращенное удовольствие — разобрать было невозможно.

Затем посверли грохот падающей мебели, и Байхэ зашлась в неконтролируемом крике.

Чи Мэй знал, что Байхэ — демон-призрак, и какое бы бедствие ни постигло ее, у нее всегда найдется способ защитить себя. Он уже хотел заговорить, как заметил перекошенное от тревоги лицо Тао Шаньцзэ: тот сбросил с себя одеяло, наскоро сунул ноги в обувь и собрался броситься туда.

— Муж мой, уже поздно, неужели она так кричит, а на постоялом дворе никто не слышит? Разве трактирщик не должен пойти проверить?

Стоило Чи Мэй произнести это, как Тао Шаньцзэ наконец прозрел. Днем постоянный двор казался пустынным, на улице тоже почти не было людей, а два ярких белых фонаря у входа совсем не походили на те, что вывешивают для привлечения путников. Раньше он не придавал этому значения, но теперь все это казалось зловещим.

По идее, с одной стороны улицы должен был находиться Квартал Красоток, а с другой — постоянный двор, разделенные всего одним поворотом, и толпы людей выглядели бы логично, но между этими местами словно пролегла невидимая граница.

— Тао Шаньцзэ, ты хочешь выйти ради Байхэ?

Чи Мэй оделся и неторопливо завязывал растрепавшийся пояс. На его плече все еще белели царапины, а кровь до конца не запеклась.

Тут проснулся слуга. Потирая глаза, он зажег свечу и сонно заморгал:

— Молодой господин, что случилось?

Тао Шаньцзэ отступил на шаг, держась от него на расстоянии, и принялся вглядываться в его лицо, пытаясь понять, человек перед ним или демон. Но как ни старался, разглядеть ничего не удавалось, а в глазах на секунду двоилось.

— Ты ничего не слышал?

Привычка разглядывать его с ног до головы выглядела странно, и сам Тао Шаньцзэ не мог этого объяснить — словно у него внезапно открылось «инь-ян» зрение. Но разве такое возможно?

— Ничего, молодой господин, я крепко спал, — честно ответил слуга.

Тао Шаньцзэ кивнул на словах, но внутри испугался еще сильнее, одновременно уловив странную деталь: обращаясь к слуге, он употребил слово «только что», а не «сейчас», сам того не заметив спутав течение времени.

Однако крики и рыдания Байхэ за стеной не прекращались. Звук был настолько громким, что каждое слово отчетливо резало слух, и у слуги не было причин ничего не заметить.

Если только этот голос был слышен им двоим с Чи Мэй.

— погоди! — внезапно бросил Чи Мэй.

Он подошел к резному деревянному окну и недоверсиво вытаращил глаза, а затем приказал:

— Неси свечу сюда.

Огонек приблизился к резному переплету, и Тао Шаньцзэ тоже прильнул к стеклу. Дерево, которое днем было украшено лишь простейшей резьбой, теперь покрывали огромные распустившиеся цветы пиона. Узор поражал тонкостью работы, были отчетливо видны даже прожилки на лепестках.

Чуть выше, куда падал свет свечи, проступал подол женского платья — пышные слои шелка и парчи ревели складками, напоминая небожительницу-апсару.

В этой картине было столько распутства, что ночью она совсем не походила на дневную — скорее на квартал услад и разврата.

Чи Мэй и Тао Шаньцзэ переглянулись. В их головах шевельнулась почти невероятная догадка: что, если они больше не на постоялом дворе? Или же с наступлением темноты этот дом превращался в еще один Квартал Красоток?

Квартал Красоток воплощал «ян», кишачий людьми днем. Если постоялый двор напротив олицетворял «инь» и оживал по ночам, то разве это были человеческие голоса?

Тао Шаньцзэ невольно сглотнул. Чи Мэй снова вложил Амулет ему за пазуху:

— Надень его как следует, больше никому не отдавай. Мы выходим.

— А? — заколебался Тао Шаньцзэ.

И правда, чтобы во всем разобраться, выйти наружу было лучшим решением.

— Лучшее средство от страха — победить его, — произнес Чи Мэй, мысленно собирая духовную энергию. Пока им не встретилась слишком уж чудовищная нечисть, он сможет защитить Тао Шаньцзэ.

— С какой стати нам обязательно выходить? Раз днем здесь безопасно, не все ли равно, что происходит по ночам? Нельзя ли просто переждать, как вчера? — недоумевал Тао Шаньцзэ. Обладая силой не больше цыпленка, он чувствовал себя неуютно, когда его защищал муж-красавец.

Чи Мэй, разумеется, не мог сказать ему, что они застряли в Мире Ляочжая, и чтобы выбраться, нужно было распутывать клубок и искать зацепки. Вслух же он произнес:

— Здесь кроется какая-то тайна, и она может угрожать нашей безопасности. Лучше взглянуть своими глазами.

— Молодой господин, а я? — окликнул их из глубины комнаты слуга.

— Сиди тихо, — холодно бросил Тао Шаньцзэ и, наконец, кивнув, согласился с планом Чи Мэй.

В следующую секунду резная деревянная дверь с нарисованными пионами со скрипом отворилась, и Тао Шаньцзэ почувствовал внезапное головокружение.

А затем ему показалось, что у него проблемы со зрением.

Какой это постоянный двор? Это был чистейший Квартал Красоток!

Не только обстановка, но и каждая архитектурная деталь совпадала точь-в-точь. Разница заключалась лишь в том, что все прогуливающиеся здесь танцовщицы обладали поистине неземной красотой и чарующими лицами.

Но стоило присмотреться получше, как по спине пробежал леденящий мороз: несмотря на человеческие личины, у многих отчетливо проступали звериные черты — то длинный хвост волочился сзади, то на макушке торчали рожки.

Вино в чашах было густым и багровым, словно кровь, а на кусках мяса, которые они ели, виднелись следы ногтей.

Гости же, которых они обслуживали, порой даже не имели человеческого облика, и к какому виду они принадлежали, угадать было невозможно — зрелище превосходило всякое воображение.

Тао Шаньцзэ оглянулся и обнаружил, что комната, из которой они только что вышли, бесследно исчезла. На ее месте висела деревянная табличка с названием женских покоев, откуда уже доносились звуки томных стонов.

На одной из табличек красовалась надпись: «Вентрилоквизм». Тао Шаньцзэ вздрогнул: в этой комнате жила Байхэ, но голоса внутри уже не принадлежали ей.

Под словом «Вентрилоквизм» шла мелкая строчка: «Способен издавать любые звуки по желанию гостя». Тао Шаньцзэ поразился — в старинных книгах он читал об этих демонических созданиях: стоило им услышать звук хоть раз, как они запоминали его навек и подделывали с пугающей точностью.

Вспомнив, что Байхэ вне опасности, он немного успокоился.

В этот момент к ним приблизилась облаченная в зеленое изящная женщина, чья талия, казалось, вовсе не имела костей, изгибаясь в трех кругах. Если смотреть на нее спереди, она действительно выглядела ослепительно, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что на ней вовсе не зеленое платье, а чешуя цвета морской волны, за которой тянулся огромный водяной змеиный хвост.

Чи Мэй рефлекторно заслонил собой Тао Шаньцзэ и тихо бросил:

— Задержи дыхание.

Впрочем, Тао Шаньцзэ от увиденного испугался настолько, что давно уже не дышал сам, наконец осознав, что все эти «красавицы» в квартале — сплошь нечисть.

Женщина-змея приблизилась к самому Чи Мэй, и ее раздвоенный язык скользнул прямо по его щеке.

— И что это за создание? Дикая лисица? Чего стоишь, марш на кухню помогать, зыришь тут!

От языка демона не пахло рыбой — напротив, от него разило тяжелыми женскими духами. Тем не менее, от прикосновения чужака у Чи Мэй сработал рвотный рефлекс, и ему нестерпимо захотелось нарубить эту тварь на куски.

Закончив говорить, змеедемон закатила глаза, а Тао Шаньцзэ понял, что она, судя по всему, его просто не видит.

Однако в следующий миг она неожиданно замерла на полушаге.

— Погодите... от кого это пахнет живым человеком?

Ее взгляд сфокусировался на лице Тао Шаньцзэ. По ее манере было очевидно: дело вовсе не в том, что она его не видит — она видела его предельно отчетливо. Она приблизилась, внимательно разглядывая его черты.

Тао Шаньцзэ покрылся холодным потом. Она, как подобает хладнокровному существу, излучала могильный холодок, ее зрачки превратились в тонкие вертикальные щелочки, источая зеленоватое свечение, и он страшно боялся, что в следующий миг она проглотит его целиком.

Чи Мэй сообразил: если она приняла его за лиса, значит, такова его роль в этом мире. По этой логике Тао Шаньцзэ оставался простым смертным, а заметив живого человека, любой демон первым делом захотел бы им полакомиться. В его спрятанной за спиной ладони уже вспыхнул алый лотос — стоило змеедемону сделать хоть одно резкое движение, как он покончил бы с ней на месте.

— Травяной дух? — неожиданно выдала змеедемон.

Тао Шаньцзэ, не понимая к чему ведет дело, машинально кивнул.

— То-то же, аура демона такая слабая, сплошной листвой разит. Чего застыл, ступай на кухню, сегодня нельзя лентяйствовать, сам Божество в Золотых Доспехах пожалует.

С этими словами она вильнула тонкой талией и удалилась.

— С каких это пор я стал травяным духом? А почему ты — дикая лисица? — Тао Шаньцзэ перевел дух, но тут же сообразил, что что-то не так, и уставился на Чи Мэй.

Чи Мэй смущенно отвел глаза:

— Наверное, она просто сболтнула лишнего. Пойдем-ка лучше на кухню.

Тао Шаньцзэ кивнул и спустился вниз по деревянной галерее. Память не подвела: кухня находилась на том же самом месте, вот только работали в ней вовсе не люди.

Завидев их на пороге, один из древесных демонов, крутившихся у входа, рявкнул, приказывая им тащить во двор бревна.

Тао Шаньцзэ облегченно выдохнул и вместе с Чи Мэй вышел во двор, но стоило им переступить порог, как его снова замутило — в лицо ударил густой, удушливый запах крови. Вблизи «бревна», о которых говорили демоны, оказались человеческими обрубками рук и ног, сваленными вперемешку, словно хворост. От открывшегося зрелища казалось, будто они попали в настоящий ад.

Тао Шаньцзэ не мог сдержать тошноту. Будучи всего лишь хрупким книжником, неспособным поднять тяжести, он сроду не видывал подобных ужасов и лишь крепко вцепился в руку Чи Мэй:

— Я больше не могу...

— Нет, ты сможешь, — твердо произнес Чи Мэй. — Обязательно вытерпишь, иначе останешься здесь навечно.

— Что это значит?

Лишенный памяти Тао Шаньцзэ совершенно не понимал, о чем толкует Чи Мэй, однако уверенный тон спутника придавал ему сил.

Не отвечая, Чи Мэй лихорадочно соображал. Он сгрузил человеческие конечности в стоявшую рядом тачку, словно обычные дрова, а Тао Шаньцзэ поплелся следом.

Добравшись до кухни, они без лишних слов ссыпали обрубки прямо в раскаленную топку, отчего вартовавшийся на огне котел мгновенно забурлил.

Взгляд Тао Шаньцзэ от начала и до конца не отрывался от Чи Мэй. Он вдруг понял, что, возможно, никогда по-настоящему не знал этого мужчину: с такой легкостью привыкнуть к столь чудовищной сцене было явно не под силу обычному человеку.

<http://bllate.org/book/22407/2352263>